

УДК 342.4(470)(091)

DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-102-109

НОМИНАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И ПЕРЕХОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ОТ «НАЦИОНАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА» К ИДЕЕ О «СОВЕТСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ» В 1930-Х ГОДАХ

Ю. С. Ковтун^{1, 2}

¹ *Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия*

² *Адвокатское бюро Свердловской области «Urals Legal», Екатеринбург, Россия*

E-mail: j.s.k@mail.ru

Автором рассматривается изменение смысла, вкладываемого в понятие «патриотизм» в период становления СССР, после смены руководства и прихода И. В. Сталина к власти. В контексте предложенной им концепции «советского патриотизма» поднимается вопрос корректировки изначально предложенного В. И. Лениным партийного подхода к национальному вопросу в СССР.

Для изучения вопроса применяются методологические основания источниковедения и «истории понятий», подразумевающие поиск и разграничение в текстах исторических источников слов и понятий, отражающих происходящие в конкретный промежуток времени изменения в общественном сознании, а также предполагающие исследование логических и ассоциативных взаимосвязей между ними.

Делается вывод о сохранении в Конституции СССР 1936 г. права сепарации исключительно в качестве идеологического стереотипа, в то время как объективно существующий тогда партийный подход к национальному вопросу характеризовался многочисленными ограничениями национальностей в реализации декларируемых ранее прав и введением дополнительных рычагов контроля.

Ключевые слова: национальный патриотизм, сталинская конституционная реформа, советский конституционализм, национальный вопрос, право наций на самоопределение, советский патриотизм, «история понятий».

Для цитирования: Ковтун Ю. С. Номинальный федерализм и переход советской власти от «национального патриотизма» к идее о «советском патриотизме» в 1930-х годах // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 4. С.102–109. DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-102-109.

FORMAL FEDERALISM AND TRANSITION OF THE SOVIET GOVERNMENT FROM “NATIONAL PATRIOTISM” TO THE IDEA OF “SOVIET PATRIOTISM” IN THE 1930s

Yu. S. Kovtun^{1, 2}

¹ *Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia*

² *“Urals Legal” Attorneys-at-Law, Yekaterinburg, Russia*

E-mail: j.s.k@mail.ru

The author examines the change of meaning of the term “patriotism” during the formation of the USSR, after the change of authority and I. V. Stalin coming to power. Stalin’s concept of “Soviet patriotism” raises the question of “correcting” the party approach to the national question in the USSR originally proposed by V. I. Lenin.

To study the issue, the author uses the methodological foundations of source studies and the “history of concepts”, which imply the search and differentiation in texts of historical sources of words and concepts that reflect changes in public consciousness occurring in a specific time, as well as the study of logical and associative relationships between these concepts.

It is concluded that the right to secession in the Constitution of the USSR of 1936 was preserved exclusively as an ideological stereotype, while the objectively existing party approach to the national question was characterized by numerous restrictions of nationalities in the implementation of previously declared rights and the imposition of additional limitations.

Keywords: national patriotism, Stalin's constitutional reform, Soviet constitutionalism, national question, right of Nations to self-determination, Soviet patriotism, "history of concepts".

For citation: Kovtun Yu. S. *Formal Federalism and Transition of the Soviet Government from "National Patriotism" to the Idea of "Soviet Patriotism" in the 1930s* // *Surgut State University Journal*. 2020. No. 4. P. 102–109. DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-102-109.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью заявленной темы: на сегодняшний день отсутствуют какие-либо фундаментальные работы, касающиеся юридического источниковедения применительно к доктринальным идеям советской власти в 1930-х гг., нашедшим свое отражение в масштабном пласте носителей информации государственно-правового и идеологического характера того периода. Недостаточно изучен на данный момент в том числе и отдельный аспект, рассматриваемый автором в настоящей работе – идеологическое изменение подхода к патриотизму и национальному вопросу в СССР, которое прослеживается при изучении архивных стенограмм конституционной комиссии, занимавшейся выработкой текста «сталинской» Конституции СССР 1936 г., а также некоторых других политико-правовых источников того периода.

Не вызывает сомнений тот факт, что правовая идеология и доктрина являются основополагающими источниками формирования правовой политики и выражения государственно-правовой мысли, в связи с чем представляется необходимым восполнить существующий пробел путем анализа доступных носителей информации, отражающих изменение политико-правовых воззрений в 1930-х гг. относительно заявленного вопроса, касающегося свободы национальностей и патриотизма в СССР.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Автор предпринимает попытку адаптации методологических оснований к изучению советских политико-правовых документов периода 1930-х гг., в частности применяет к данной области знаний методологические подходы источниковедения и «истории понятий» (Р. Козеллек, Дж. Покок и К. Скиннер), а также изучает возможности приращения

и систематизации научных знаний о политико-правовой доктрине обозначенного периода при помощи анализа различных носителей государственно-правовой информации.

Научная и прикладная значимость видится в возможности получения новых знаний о воздействии политико-правовой идеологии советского государства 1930-х гг. на конституционные положения и законодательство СССР. Кроме того, научную ценность представляет и само по себе использование методологических и источниковедческих специфических подходов к анализу носителей государственно-правовой информации о доктринальных идеях 1930-х гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Понятие как средство выражения определенных идей, в том числе и средство передачи идеологических воззрений политических деятелей, отличается абстрактностью и способностью подстраиваться под происходящие изменения, будь то изменения во всем обществе, конкретной стране или же политической партии.

Это зачастую обуславливает существование в различные временные промежутки единого понятия, использование которого, однако, может подразумевать диаметрально противоположные позиции и воззрения на то или иное явление, характеризующее данным понятием в определенный период.

Как отмечает Д. В. Тимофеев в работе, посвященной изучению «истории понятий» [1] – методологии, предложенной Р. Козеллеком, Дж. Пококом и К. Скиннером, для историка и правоведа является принципиально важным понимание того, какой смысл авторы определенного исторического источника вкладывали в конкретное понятие, каким образом и в связи с чем происходила корректировка содержания данного понятия и какие новые коннотации оно получало с течением времени.

Это связано с необходимостью максимально полной и объективной реконструкции происходящих в изучаемый период социальных процессов, а также реконструкции изменения представлений и оценок конкретных исторических деятелей, в той или иной степени оказавших влияние на формирование идеологии и на происходящие в данную эпоху социально-политические события.

В рамках настоящей статьи будет рассмотрено изменение смысла, вкладываемого советскими идеологами в понятие «патриотизм», которое произошло после смерти В. И. Ленина и назначения И. В. Сталина главой партии большевиков СССР и фактическим руководителем советского государства.

Поскольку исследуемому сталинскому понятию «советский патриотизм» предшествовало ленинское понятие «национальный патриотизм», необходимо осветить взаимосвязанный с данными понятиями национальный вопрос, нашедший свое отражение как в первых советских Конституциях 1918 и 1924 г., так и в «сталинской» Конституции 1936 г.

Как известно, новая Конституция СССР, принятая в 1936 г., должна была продолжать исполнять роль «орудия дальнейшего укрепления социалистического государства» [2]. Цели разработки новой Конституции были отражены в докладе А. С. Енукидзе на 16-м Заседании 7-го Съезда Советов Союза ССР: «...социализм победил окончательно и бесповоротно. Все эти происшедшие в нашей стране за последние годы изменения, о которых говорил в своем докладе тов. Молотов, не могли не вызвать поправок и дополнений в конституцию Союза ССР. В соответствии с этими социально-экономическими изменениями, завоеванными к настоящему времени, 7-му Съезду Советов необходимо пересмотреть конституцию Союза и привести ее в полное соответствие с тем, что есть в нашей стране, закрепить в ней все то, что завоевано в строительстве социализма на сегодняшний день, и наметить перспективу дальнейшего развития» [3].

Отметим, что все советские конституции так или иначе представляли собой некий ориентир: предполагалось, что они будут являться квинтэссенцией всех патриотических советских настроений и ценностей, всех

ключевых идей и взглядов, отвоеванных в ходе революции.

В этой связи уместным представляется упомянуть сформулированную Ю. Хабермасом, К. Ясперсом и Д. Штернбергером концепцию «конституционного патриотизма» [4, с. 130; 5; 6, с. 309], в которой была отражена взаимосвязь государства, гражданства и национальной идентичности и наряду с некоторыми другими ключевыми идеями высказана мысль о том, что при определенных условиях источником патриотизма граждане могут служить одни лишь правовые нормы Конституции, разделяемые всеми гражданами и достаточные для закрепления той или иной идеологии, без необходимости привлечения других способов продвижения идеологии (к примеру, посредством ее закрепления в иных источниках, ее репрезентации и проч.).

Именно таким смыслом и планировалось наделить советские конституции, в том числе и сталинскую Конституцию 1936 г. Об этом, в частности, может свидетельствовать организованное в то время резонансное «всенародное обсуждение» проекта будущей Конституции 1936 г. Вовлечение всех граждан в процесс утверждения окончательной редакции текста Конституции было нацелено в том числе и на то, чтобы население страны почувствовало идентификацию со своей Конституцией. Иначе говоря, целью являлось формирование чувства того самого «конституционного патриотизма». Однако всенародное обсуждение сталинской Конституции заслуживает самостоятельного полноценного исследования как достаточно интересный исторический феномен, мы же вернемся к национальному вопросу и вопросу патриотизма.

Можно ли в действительности в случае с Конституцией 1936 г. говорить о том, что задумка партии удалась и в Основном законе страны и впрямь нашли отражение все ключевые идеи? Идет ли в данном случае речь о «конституционном патриотизме»? Вызывает вопрос и то, соответствовали ли реальности декларации А. С. Енукидзе, заявившего на 7-м Съезде Советов СССР следующее: «*Наша советская конституция, являясь программой развития советского строя, должна совершенно точно отражать действительную жизнь* и соотношение классов-

вых сил в каждый данный исторический момент, и так как советский строй является самым прогрессивным строем, то совершенно естественно и правильно, что происходящие изменения мы записываем в конституцию. Но эта запись не является простой регистрацией фактов. Опираясь на эти факты, мы движемся вперед» (здесь и далее курсив наш. – Ю. К.) [7].

Полагаем, что нет, ведь «действительная жизнь» и истинные идеологические воззрения руководящих партийных деятелей существенно расходились с закрепленными в Конституции нормами. И в первую очередь, разумеется, это затрагивало национальный вопрос и ст. 17 Конституции СССР 1936 г., гласившую: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР».

Вспоминая истоки обсуждения «права наций на самоопределение» и предоставления республикам права сепарации, в качестве демонстрации идей, господствующих в период нахождения В. И. Ленина во главе партии, приведем некоторые выдержки из архивных материалов 1920-х гг.

Так, в Проекте резолюции по 6-му пункту порядка для X Съезда Советов было недвусмысленно указано:

«В основу объединения положить *принцип добровольности и равноправия Республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из Союза Республик*. Поручить делегации выработать условия вхождения РСФСР в Союз Республик, обязав ее при рассмотрении союзного договора отстаивать следующие положения: ...

г) *полное обеспечение интересов национального развития народов договаривающихся Республик*» [8].

В Протоколе № 5 заседания Расширенной Комиссии ЦИК СССР по выработке Конституции от 14 июня 1923 г. также отражено, что «...всякое новое образование в системе советского строительства должно отвечать следующим трем главным условиям:

1. Оно не должно противоречить всей системе Советского строительства, построенного снизу доверху по одному образцу (т. е. должна быть соблюдена общепринятая конструкция советских аппаратов).

2. Оно должно отличаться простотой своей организации, несложностью конструкции.

3. Оно должно дать наиболее безболезненный выход стремлениям отдельных национальностей, недоверчиво настроенных против господствующей нации (это последнее условие, согласно партийной программе, является единственно главным средством для действительного изживания националистических предрассудков)» [9].

Все сохранившиеся исторические источники демонстрируют, что безусловным в «ленинский» период считался тот факт, что суверенитет является «знаменем» нового советского государства, которое выдвинули революция, революционная наука и которое необходимо неуклонно поддерживать [10], и каждая нация имеет право на самоопределение, вплоть до выделения [11].

Что же произошло после прихода И. В. Сталина к власти с одной из базовых идей вождя революции о самоопределении наций и как это взаимосвязано со «сменой курса» и переходом от «национального патриотизма» к «советскому патриотизму»?

В первую очередь необходимо обозначить, что, несмотря на сохранение в тексте статьи 17 Конституции 1936 г. той же формулировки*, которая была закреплена и в прежней Конституции 1924 г., еще в период обсуждения проекта «сталинской» Конституции активно высказывались предложения о полном исключении из данной статьи ранее предоставленного республикам права сепарации.

Это было связано с попытками избежать «шовинистических настроений и самостийных движений» [12], при этом необходимость приглушения идей федерализма была обусловлена тем, что проект ст. 17, предусматривающей право сепарации, якобы уже «вскружил буйные головы деятелей и членов самостийных эмигрантских организаций и повсюду заметно оживление их деятельности и сплоченности» [13].

* Ст. 17 Конституции СССР 1936 г.: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» и ст. 4 Конституции 1924 г.: «За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза».

Разделяя взгляды относительно необходимости ухода от идеи федерализма к унитаризму, И. В. Сталин при этом осознавал, что упразднение права сецессии будет означать нарушение принципа добровольности, положенного в основу первых Конституций и являющегося практически смысловым ядром этих Конституций, в связи с чем необходимые ему цели превращения федерализма в номинальный институт достигались через другие рычаги.

Таким рычагом, в частности, выступал процесс унификации конституций союзных республик, происходящий в 1930–1940-х гг. и направленный на выявление малейших фразеологических отступлений от союзной конституции, которые могли оказаться политически значимыми [14, с. 336].

Любопытным в этом свете представляется доклад Д. И. Курского, сделанный в период выработки текста Конституции 1924 г., в котором говорилось о следующем: «Перед нами налицо, таким образом, уже не наличие только общих начал, воспринятых законодательством каждой из Республик, а наличие общих законов, добровольно принятых и введенных центральными органами власти каждой из Республик в пределах своей территории. Этот факт имеет глубочайшее политическое, историческое и логическое значение. Политически он важен как факт, доказывающий мощь и глубокую и принципиальную правильность той системы политического управления, которая принята Советской властью в национальном вопросе и которая привела к тому, что национальности, угнетавшие друг друга и находящиеся в состоянии национальной борьбы при царизме и капитализме, даже в условиях переходного периода от капитализма к социализму и лишь при наличии диктатуры пролетариата, с этого пути взаимной вражды вступили добровольно и без всякого принуждения на путь дружеского сотрудничества и братского единения, что выразилось в единстве устанавливаемых ими правовых норм, почти текстуально совпадающих друг с другом. Анализ тех изменений... показывает, что ни в одном Кодексе нет ни одного принципиального изменения или отличия. Политически этот факт важен как могучее средство

идейной пропаганды социализма и интернационального братства и единства интересов трудящихся» [15].

Однако же, когда такие отличия в законодательстве по прошествии времени все же появились (или только начинали появляться), это моментально было упразднено и «приведено в соответствие», пускай уже и насильно, без прежнего «дружеского сотрудничества» и «интернационального братского единения».

Еще одним сталинским способом фактической, а не прямой юридической нейтрализации федерализма стала «трансформация» органов управления. Формально оставалась закрепленной «добровольность объединения равноправных народов», однако при этом устанавливалось, что «советское государство является федерацией советов и советы являются органами диктатуры пролетариата и носителями государственной власти в центре и на местах» [16], то есть, как верно указал А. Н. Медушевский, федеративный принцип трансформировался в советский, который, в свою очередь, ограничивался только задачами диктатуры [14, с. 333].

Таким образом, каждая советская республика превращалась лишь в орган диктатуры пролетариата, вовлеченный в управление государством и при этом еще и достаточно жестко контролируемый и ограниченный определенными полномочиями, предоставленными ему «сверху».

При этом отметим, что Х. Г. Раковский еще при обсуждении проекта Конституции 1924 г. высказывал опасения насчет того, что подобная организация органов управления может привести к растворению местных отдельных республик в общегосударственной власти и упразднить всякую власть отдельных республик [17].

Смена в политических верхах СССР в 1930-х гг. курса относительно национального вопроса вызвала и необходимость употребления более подходящего комплексного понятия патриотизма для сочетания в нем как самой патриотической сути, так и ухода от национального оттенка и прежних ленинских идей о том, что каждая национальность должна бороться за свою независимость и свободу.

Отражением указанных ленинских идей в первую очередь является опубликованная

в газете «Социал-Демократ» в 1914 г. статья В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов», где Ленин цитирует Маркса и Энгельса, которые сказали: «...не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы». В указанной статье Ленин рассуждает о том, что экономический рост и быстрое развитие страны требуют освобождения ее от насилия над другими народами, при этом для революции пролетариата необходимо всеобщее воспитание в духе полнейшего национального равенства и братства, а значит, и воспитание *«в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равенства и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций»* [18].

А вот И. В. Сталин, употребляя понятие «советский патриотизм», наделял его совершенно отличным от ленинского смыслом, который может быть продемонстрирован следующей выдержкой из речи И. В. Сталина: «...сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и *верность народа своей Советской Родине*, братское сотрудничество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза» [19].

Таким образом, в противовес ленинской идее о рьяном отстаивании права каждой нации на самоопределение вплоть до сепарации, термин «патриотизм» намеренно стал употребляться уже не в контексте преданности всех наций своим собственным национальным интересам, а в контексте преданности СССР, чем было сформировано и укреплено понятие «советский патриотизм».

При этом отметим, что В. И. Ленин в речи на собрании 20 ноября 1928 г. упоминал о том, что, несмотря на патриотизм, могут иметь место и некоторые жертвы национальностей: «Патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и ты-

сячелетиями обособленных отечеств... Горечь, озлобление, бешеное негодование, вызванные этим миром, понятны, и само собою разумеется, что мы, марксисты, *могли ждать только от сознательного авангарда пролетариата понимания той истины, что мы приносим и должны принести величайшие национальные жертвы ради высшего интереса всемирной пролетарской революции...*» [20, с. 190].

Однако обратим внимание, что принесение «национальных жертв» предполагалось именно во имя интересов революции, в сталинский же период подобных жертв уже явно не требовалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, вновь хотелось бы обратиться к одному из политических трудов Ю. Хабермаса, в котором высказано, что «форма национальной идентичности делает необходимым, чтобы каждая нация организовалась в государство ради обретения независимости. Само национальное государство впервые порождает те движения за автономию, в которых угнетенные национальные меньшинства борются за свои права. *И когда национальное государство подчиняет меньшинства своему централизованному управлению, оно противоречит предпосылкам для самоопределения, на которые само и ссылается.* Подобное противоречие пронизывает историческое сознание, в среде которого формируется самосознание той или иной нации» [21, с. 24].

Принцип права наций на самоопределение и право сепарации были сохранены в сталинской Конституции 1936 г. исключительно в качестве идеологического стереотипа, без которого разрушилась бы общая концепция, сформулированная В. И. Лениным и выстроенная революцией.

В действительности же данный идеологический принцип обходили стороной при помощи ряда целенаправленных ограничений и поправок, в совокупности обеспечивающих необходимый эффект и фактически превращающих федерализм в фикцию. При этом изменение идеологических взглядов повлекло в том числе и необходимость корректирования смысла, вкладываемого в понятие «патриотизм», вследствие чего на смену

«национальному патриотизму» пришел «советский патриотизм», своим смыслом отрицающий возможность каких-либо стремлений и действий национальностей не во благо всему советскому государству, а значит, отрицающий и самоопределение и свободу наций как таковую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тимофеев Д. В. «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2014. № 4 (133). С. 123–136.
2. Конституция социалистического государства рабочих и крестьян // Большевик, 1936. № 11. 01 дек. 1936 г.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 7. Д. 27. Л. 4.
4. Habermas J. The Burdens of the Double Past // Dissent. Vol. 41, No. 4. P. 513–517.
5. Jaspers K. The question of German guilt. New York: The Dial Press, 1947.
6. Штернбергер Д. Конституционный патриотизм // Политическая философия в Германии: сб. ст. М.: Современ. тетрадь, 2005. 518 с.
7. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 7. Д. 27. Л. 5–6.
8. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.
9. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 11. Л. 218.
10. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 80. Л. 177.
11. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 26. Д. 37. Л. 87.
12. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 5–5 об.
13. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 78. Л. 5–6.
14. Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.: СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2017. 656 с.
15. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–3.
16. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 34–39.
17. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 25. Л. 123.
18. Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Газета «Социал-Демократ». № 35, 12 декабря 1914 г.
19. Сталин И. В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 года // Соч. Т. 15. М., 1997. С. 197–198.
20. Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина: речь на собрании 20 ноября 1918 г. // Полное собр. соч. Т. 37. М., 1969. 747 с.
21. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Практика, 2005. 368 с.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00866А «Советский конституционализм: доктринальное, юридическое и символическое измерения».

REFERENCES

1. Timofeev D. V. "Istoriia poniatii" kak teoretiko-metodologicheskaya osnova issledovaniia po istorii rossiiskoi modernizatsii pervoi chetverti XIX v. // Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2014. No. 4 (133). P. 123–136. (In Russian).
2. Konstitutsiya sotsialisticheskogo gosudarstva rabochikh i krestian // Bolshevik, 1936. No. 11. 01 Dec. 1936. (In Russian).
3. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 3316. S. 7. D. 27. L. 4. (In Russian).
4. Habermas J. The Burdens of the Double Past // Dissent. Vol. 41, No. 4. Cit. ex Fliberg B. Khabermas i Fuko – teoretiki grazhdanskogo obshchestva // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2000. No. 2. P. 127–136.
5. Jaspers K. The question of German guilt. New York: The Dial Press, 1947.
6. Shternberger D. Konstitutsionnyi patriotizm // Politicheskaya filosofiya v Germanii: Collection of Articles. Moscow: Sovremennye tetrady, 2005. 518 p. (In Russian).
7. GARF. F. 3316. S. 7. D. 27. L. 5–6. (In Russian).
8. GARF. F. 3316. S. 1. D. 2. L. 29. (In Russian).
9. GARF. F. 3316. S. 1. D. 11. L. 218. (In Russian).
10. GARF. F. 3316. S. 2. D. 80. L. 177. (In Russian).
11. GARF. F. 1235. S. 26. D. 37. L. 87. (In Russian).
12. GARF. F. 3316. S. 41. D. 78. L. 5–5 ov. (In Russian).
13. GARF. F. 3316. S. 41. D. 78. L. 5–6. (In Russian).
14. Medushevskii A. N. Politicheskaya istoriia russkoi revoliutsii: normy, instituty, formy sotsialnoi mobilizatsii v XX veke. Moscow; Saint Petersburg.: Tsentr humanitarnykh initsiativ, 2017. 656 p. (In Russian).
15. GARF. F. 3316. S. 1. D. 21. L. 1–3. (In Russian).
16. GARF. F. 3316. S. 40. D. 26. L. 34–39. (In Russian).
17. GARF. F. 3316. S. 1. D. 25. L. 123. (In Russian).
18. Lenin V. I. O natsionalnoi gordosti velikorossov // Gazeta "Sotsial-Demokrat". No. 35, 12 Dec. 1914. (In Russian).
19. Stalin I. V. Doklad na torzhestvennom zasedanii Moskovskogo Soveta deputatov trudiashchikhsia s partiinymi i obshchestvennymi organizatsiiami goroda Moskvyy 6 noiabria 1944 goda // Sochineniia. 1997. Vol. 15. M., P. 197–198. (In Russian).
20. Lenin V. I. Tsennye priznaniya Pitirima Sorokina: pech na sobranii 20 noiabria 1918 g. // Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 37. Moscow, 1969. 747 p. (In Russian).
21. Khabermas Yu. Politicheskie raboty. Izd.: Praxis, 2005. 368 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковтун Юлия Сергеевна – соискатель кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия; адвокат, адвокатское бюро Свердловской области «Urals Legal», Екатеринбург, Россия.

E-mail: j.s.k@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yulia S. Kovtun – Candidate of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia; Lawyer, “Urals Legal” Attorneys-at-Law, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: j.s.k@mail.ru